

Александр Дзержинский

**ВАЛЕНКИ
ПУТИНА**

Александр Дзержинский

Валенки Путина

«Издательские решения»

Дзержинский А.

Валенки Путина / А. Дзержинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904290-3

Все события, описываемые в книге, происходили на самом деле. Несмотря на это, я должен официально заявить, что все они мной придуманы, так же, как выдуманы мной все действующие лица, включая Путина, Януковича, Обаму, Меркель и т. д. Так же плодом моей фантазии являются названные в книге населенные пункты. Если читатель найдет совпадения — это тоже случайность, как «случайно» была создана Вселенная.

ISBN 978-5-44-904290-3

© Дзержинский А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая	8
Глава первая	8
«Дональд Кук»	8
Глава вторая	11
Предатель	11
Глава третья	15
Война и мир	15
Глава четвертая	18
Убить Путина	18
Глава пятая	21
Домик окнами в сад	21
Глава шестая	26
Страсти по Путину	26
Глава седьмая	27
Второе мая. Одесса	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валенки Путина

Александр Дзержинский

Мы живём в эпоху парадоксов. Ради сохранения мира вынуждены вести войну.

Э. М. Ремарк

Дизайнер обложки Александр Голякин

© Александр Дзержинский, 2018

© Александр Голякин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4290-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Все события, описываемые в книге, происходили на самом деле. Несмотря на это, я должен официально заявить, что все они мной придуманы, так же, как выдуманы мной все действующие лица, включая Владимира Ивановича Путина. Так же плодом моей фантазии являются названные в книге страны и населенные пункты. Если читатель найдет совпадения – это тоже случайность, как «случайно» была создана Вселенная.

И о названии. У меня есть друг. Однажды он опубликовал пост с заголовком «Эта сука Путин». Я и подумал, что это хорошее, цепляющее, интригующее название для книги. И я решил, что книга будет называться «Эта ссука Путин». И это было бы правильное название, Вы поймете почему, прочитав несколько глав. Но по морально-этическим причинам я от него отказался. Дописал полторы главы и назвал «Валенки Путина». Тёплое, такое название. Приятного чтения, друзья.

Пролог

В открытую дверь избушки ввалилось облако пара. Из пара материализовался человек. Он снял рукавицы и положил их сушиться на печь, потом снял норковую шапку-ушанку, и отправил ее туда же. Скинул с плеч овчинный полушубок, стряхнул от снега, повесил на вешалку. Теперь на нем был теплый яркий свитер и валенки. Прямо в валенках он прошел в переднюю, где на печке-голландке его ждал, тихонько сипя, чайник. Человек погрел руки о печку, налил чай в большой бокал, сел в кресло у открытой печи, сделал несколько глотков и задремал.

– Можно ехать, Владимир Иванович, – разбудил его телохранитель.

– Сейчас выйду.

Путин с сожалением стянул теплый свитер и аккуратно сложив, отправил его на полку. Когда становилось холодно он испытывал какие-то, до смешного нежные чувства, к теплым вещам. Потом, с еще большим сожалением вынул из валенок ноги. Валенки бережно поставил в углу за печкой. Снова, привычно вспомнил рассказ, который прочел еще в юности. Короткий рассказ, про старика, который ходил зимой на рыбалку и свои старые, верные валенки неизменно оставлял на улице, у входа. Но однажды вернулся старик с рыбалки сильно уставшим и замерзшим и, не раздеваясь, залез на печь. И валенки растаяли. И в очередной раз подумал Владимир Иванович о том, что неплохо было бы узнать как то автора этого рассказа. А быть может и встретиться, если еще жив.

Через десять минут вертолет разорвал шумом тишину сибирской тайги. А в маленькой сибирской заимке, остались его ждать, прислонившись к остывающей печи его верные валенки.

Часть первая

Глава первая

«Дональд Кук»

Ракетный эсминец противоракетной обороны ВМС США «Дональд Кук», на борту которого находится система ПРО «Иджис» с противоракетами и крылатыми ракетами «Томагавк», был направлен в акваторию Черного моря десятого апреля. Западные газеты писали, что «Дональд Кук» имеет вооружение, которое и не снилось русским. Писали даже, что военная мощность одного только этого эминца превосходит вооружение всех кораблей Черноморского флота России, включая береговые укрепления. Этот корабль, между прочим, может сбивать даже космические цели. Те, что летают пониже. Майк Оруэл служил на «Дональде Куке» не первый год. Он гордился и своим кораблем, и своей страной. Какой восторг и страх испытывали жители тех городов и государств, вблизи которых появлялся американский эсминец! Обнаглевшие русские должны понять, что с его великой страной шутки плохи! И обязательно наделать в штаны. Обязательно! Америка – единственная держава, способная поддерживать хрупкий порядок в мире. И пусть это непросто. И пусть это чертовски опасно и сложно (Оруэл знал, что сотни американцев, выполняющих свой долг перед Родиной и международным сообществом, возвращаются домой убитыми и ранеными), но кто-то же должен выполнять эту работу! «Мы – Америка! Мы – незаменимая страна!» – как сказал наш президент Бардак Обамма. Нигде в мире нет таких мощных кораблей, как в США! Эсминец, который может подавить весь Черноморский флот русских! Вот это мощь! Вот это сила и власть! А ведь «Дональд Кук» не один здесь! «Тракстон» – второй эсминец ВМФ США тоже совсем не плох. Если, конечно, его не сравнивать с «Куком». А значит, в случае вооруженного конфликта США смогут нанести такой удар по русскому флоту и по его приморским гарнизонам, что война продлится не более трех дней. И русские непременно обделаются. Непременно. Так что Крым скоро будет американским. Да он уже почти наш, ведь Украина – это практически наша, американская колония! И пусть русские думают иначе – нам глубоко плевать на их мнение. Теперь дипломатам, этим тупым крысам в пиджаках, достаточно как следует поднажать, поддавить, и русские непременно обделаются. Только дипломатам нужно быть настоящими американцами. Твердыми и уверенными в себе, в своей стране, своем флоте и армии американцами. И тогда военно-морская база в Севастополе будет американская, как и обещали эти тупые украинцы. Обещали отобрать ее у русских и передать нам, но всех перехитрил этот русский президент Путин. Он, конечно, сволочь и диктатор, но парень крепкий. Не эта тряпка Обамма. Нам бы такого президента! С таким президентом мы бы мир поставили раком, засунули бы всему миру в задницу американский флаг и заставили бы петь американский гимн. Оруэл улыбнулся своим мыслям и выплюнул в Черное море жвачку.

Вдруг на корабле раздался сигнал тревоги. Капитан собирал команду. Оказалось, что неожиданно, вообще непонятно почему, на «Дональде Куке» отказала вся электроника. Но такого просто не может быть! Команда специалистов уже что-то колдовала, но ничего не могла сделать. И тут Майк посмотрел на небо. Все посмотрели на небо. Потому что там, в этом чертовом русском небе, чертов русский самолет стремительно приближался к американскому эминцу. Это что – война? Война, а мы без этого чертова оборудования, которое по черт знает, какой причине отказало в самый нужный момент, и мы остались беззащитными, как дети перед маньяком с бензопилой!

– Черт! Да он идет прямо на нас! – крикнул кто-то, и Майк Оруэлл инстинктивно присел и прикрыл голову руками.

Самолет пронесся над палубой «Дональда Кука», едва не задев голову Оруэлла. По крайней мере, ему так показалось. Сделав круг, вернулся снова. И потом еще раз! Чертовы русские! Да они издеваются! Что они сделали с кораблем? Почему мы не можем выпустить в него ракету? Что с этим долбаным оборудованием, ценой в хрен знает какие миллионы? Почему «Дональд Кук» превратился в мишень, в консервную банку с кишасами в ней смертельно испуганными муравьями?

Чуть позже.

По сообщению русской службы ВВС:

Представители Пентагона признали, что имитация атаки Су-24 на эсминец ВМС США произвела деморализующий эффект на экипаж: после инцидента 27 человек подали рапорт об отставке.

Пентагон: «Двенадцатого апреля 2014 года российский бомбардировщик СУ-24 полтора часа кружил на малой высоте возле эсминца Дональд Кук, пролетев над ним 12 раз. При этом экипаж самолета не реагировал на многочисленные запросы корабля, находящегося на данный момент в международных водах Черного моря. Облет американского эсминца российским СУ-24 был неумелой и опасной военной провокацией».

По словам представителя Пентагона полковника Стива Уоррена, эти провокационные и непрофессиональные действия России не соответствуют ее национальным правилам и предыдущим соглашениям о профессиональном взаимодействии между вооруженными силами наших стран. Хотя полковник признал, что на борту самолета не было вооружения. Уоррен назвал эти маневры устрашающими и недопустимыми. Он также признал, что эта провокация русской стороны деморализовала личный состав и заставила корабль покинуть место дислокации в Черном море. Эсминец был срочно эвакуирован в румынский порт. Члены экипажа корабля проходят необходимые процедуры с психологом, чтобы восстановиться после перенесенного стресса.

Другое издание отмечает, что сразу после инцидента двадцать семь членов экипажа эсминца подали рапорт об отставке. Один из них, по имени Майк Оруэлл, в коротком интервью заявил, что не намерен подвергать свою жизнь опасности.

Отвернувшись от камер, он еще долго ругался вполголоса. Журналисту удалось расслышать, как он ругал Обаму, Америку, этот долбаный мир и Путина.

Из комментариев в одной из соцсетей:

Zivo (США)

Покажите фотки, или этого не было.

Veni (США)

А собственно, какого рожна Обама делает в Черном море?

GunZenBomZ (Великобритания)

Замечательно, теперь ждите русский эсминец в водах Нью-Йорка. Америка только и делает, что провоцирует дерьмо по всему свету.

TheVictor (Великобритания)

А что вы хотели, вы пришли в их огород. Готов поспорить, если бы русский корабль в районе Кубы приблизился к берегам Америки, ваши F-16 делали бы то же самое.

Kingdom_Of_Wessex (Великобритания)

Вообще-то Черное море не является русской собственностью.

FukDatShit (Новая Зеландия)

В прошлый раз, когда русские топтались в вашем огороде, президент США грозился ядерной войной.

Nightrezz (Германия)

Да ничего удивительного! Если бы русский эсминец приблизился к Америке, они бы так же поступили.

wharris (США)

Появления самолета можно было ожидать в любой момент. Хорошо еще, что возобладал холодный разум.

FukDatShit (Новая Зеландия)

Вообще этот эсминец представлял собой довольно легкую добычу.

jackiejackjack (Турция)

Успокойтесь, согласно Конвенции Монтрё, Турция вправе, по своему усмотрению, закрыть все Черноморские проливы, как в военное, так и в мирное время. Теперь поняли, кто здесь хозяин?

M4rt3l (Франция)

Поняли, хозяин – Путин.

Глава вторая

Предатель

– Трус и подлец, – думал про себя Виктор Викторович Янукович. – И дурак. Все проспал, все!

Он и в самом деле был и трусом, и подлецом. А, быть может, и дураком. Но лучше всего к нему подходило определение «предатель». Он стал президентом, разыграв русскую карту. А когда пришел к власти, предал своих избирателей. Мало того что Янукович не выполнил ни одного своего обещания, он вообще сначала развернул политику в сторону Европы, а потом обманул и этих. А вроде бы все правильно сделал. Америкосы, которым нужна была своя база в Крыму, обещали бабла немерено. Но тянули с авансом. И он понял, что его, скорее всего, просто кинут. Тогда Виктор Викторович стал торговаться с Путиным. Тот сказал:

– Какие деньги? Мы его и так заберем, если будет нужно. А ты, Виктор Викторович, даже и не думай про американцев.

Ну, а когда начались все эти дела с Майданом, Янукович уже просто трясся от страха. Боялся. Потому что, если сказать «фас» беркутовцам и майдан разгонят, его наверняка объявят в Европе диктатором. И тогда – прощай бизнес! Как минимум. А то и расстреляют, убьют, как Милошевича. Или Каддафи. Они это могут, суки американские.

И Янукович до последнего надеялся на Европу, считая европейцев более порядочными. Да и более заинтересованными в стабильности континента. Напрасно надеялся. Те тоже кинули. Ладно, Путин вытащил из этого дерьма. В Россию пустил. И сидит теперь Янукович в Ростове. Вспомнился анекдот про неуловимого Джо:

– А вот это неуловимый Джо!

– Он что, такой ловкий, что его никак не могут поймать?

– Нет, он просто и нахрен никому не нужен! Вот потому и неуловимый.

Вот и он. Легитимный президент Украины стал никому не нужен.

Но пару дней назад о нем вспомнили. Путин вспомнил.

Виктор Викторович вошел в широкие двери. Владимир Иванович Путин стоял у окна и делал вид, что ему там что-то интересно. Услышав шаги Януковича, повернулся, сделал два шага навстречу, протянул руку.

– Как дела, Виктор Викторович? – спросил Путин, – как устроились на новом месте?

Крепкое рукопожатие.

– Спасибо, Владимир Иванович, все относительно неплохо.

– Хотите кофе? Я в это время обычно кофе пью.

– Хорошо бы... Чаю. – Януковичу самому не понравилось, как он ответил. Как барышня.

Он бы вискаря сейчас пропустил. Граммов двести.

Пока ждали чай, Янукович и Путин рассматривали друг друга. Украинский президент пытался прочесть что-то на каменном лице ВВП. Ничего не вышло. В телевизоре Путин выглядит веселым и радушным рубахой-парнем. А здесь – глаза холодные и цепкие. У Виктора Викторовича почему-то пробежал холодок по спине.

Когда принесли кофе, Путин прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла и, как показалось Януковичу, облегченно выдохнул. И опять тяжелая, длинная пауза. Вспомнилась где-то услышанная шутка: «Когда Путин говорит, можно заслушаться, а если он молчит, можно обосс...», в общем, в штаны наложить». Янукович был далек от того, чтобы наложить в штаны, но пот его прошиб. Сам на себя рассердившись, Виктор Викторович зло хлебнул горячего чая и едва не уронил чашку. Настолько горячим был чай.

– Накуролесили вы, Виктор Викторович, – наконец, сказал Путин. Янукович ожидал, надеялся увидеть хоть какое-то подобие улыбки на лице российского лидера, но ее не было. – Что собираетесь делать?

– Спросите что-нибудь полегче, – пытаясь смягчить ответ, проговорил чуть слышно Янукович.

– У нас есть к вам предложение. Я бы очень хотел, чтобы вы его приняли. Но если откажитесь – ваше право. В этом случае нашей встречи не было. Хорошо?

Янукович молча кивнул головой.

– Помните операцию, которую наш спецназ провел в Афганистане в семьдесят девятом году?

– По захвату дворца Амина?

Конечно, Янукович много слышал об этой операции, вошедшей в анналы истории и учебники для специалистов. Если бы беглый президент открыл ту же Википедию, то прочел бы следующее:

«Днем 27 декабря во время обеда Х. Амин и многие его гости почувствовали себя плохо, некоторые, в том числе и Амин, потеряли сознание. Это было результатом спецмероприятия КГБ (главным поваром дворца был Михаил Талибов, азербайджанец, агент КГБ, прислуживали две советских официантки). Жена Амина немедленно вызвала командира президентской гвардии, который начал звонить в Центральный военный госпиталь и в поликлинику советского посольства, чтобы вызвать помощь. Продукты и сок были немедленно направлены на экспертизу, а повара были задержаны. Во дворец прибыла группа советских врачей и афганский доктор. Советские врачи, не осведомленные о спецоперации, оказали помощь Амину. Эти события насторожили афганскую охрану.

В 19:10 группа советских диверсантов на автомашине приблизилась к люку центрального распределительного узла подземных коммуникаций связи, проехала над ним и «заглохла». Пока часовой-афганец приближался к ним, в люк была опущена мина, и через 5 минут прогремел взрыв, оставивший Кабул без телефонной связи. Этот взрыв и был сигналом начала штурма.

Штурм начался в 19:30 по местному времени. За пятнадцать минут до начала штурма бойцы одной из групп «мусульманского» батальона, проезжая через расположение третьего афганского батальона охраны, увидели, что в батальоне объявлена тревога – в центре плаца стояли командир и его заместители, а личный состав получал оружие и боеприпасы. Автомобиль с разведчиками «мусульманского» батальона остановился возле афганских офицеров, и они были захвачены, но афганские солдаты открыли огонь вслед удаляющейся машине. Разведчики «мусульманского» батальона залегли и открыли огонь по атакующим солдатам охраны. Афганцы потеряли убитыми более двухсот человек. Снайперы тем временем сняли часовых у вкопанных у дворца в землю танков.

Затем две самоходные зенитные установки «Шилка» «мусульманского» батальона открыли огонь по дворцу, а ещё две – по расположению афганского танкового батальона охраны для того, чтобы не допустить его личный состав к танкам. Расчеты АГС-17 «мусульманского» батальона открыли огонь по расположению второго батальона охраны, не позволяя личному составу покинуть казармы.

На четырех БТР спецназовцы КГБ двинулись ко дворцу. Одна машина была подбита охраной Х. Амина. Подразделения «мусульманского» батальона обеспечивали внешнее кольцо прикрытия. Ворвавшись во дворец, штурмующие «зачищали» этаж за этажом, используя в помещениях гранаты и ведя огонь из автоматов.

Когда Амин узнал о нападении на дворец, он приказал своему адъютанту сообщить об этом советским военным советникам, сказав: «Советские помогут». Когда адъютант доло-

жил, что нападают именно советские, Амин в ярости швырнул в него пепельницу и крикнул: «Врёшь, не может быть!»

Хотя значительная часть солдат бригады охраны сдалась (всего было пленено около 1700 человек), часть подразделений бригады продолжала оказывать сопротивление. В частности, с остатками третьего батальона бригады «мусульманский» батальон сражался ещё сутки, после чего афганцы ушли в горы.

Одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек группами спецназа КГБ при поддержке десантников 345-го парашютно-десантного полка, а также 317-го и 350-го полков 103-ей гвардейской воздушно-десантной дивизии были захвачены генеральный штаб афганской армии, узел связи, здания ХАД и МВД, радио и телевидение. Афганские части, дислоцированные в Кабуле, были блокированы (в некоторых местах пришлось подавлять вооруженное сопротивление).

В ночь с 27 на 28 декабря в Кабул из Баграма под охраной сотрудников КГБ и десантников прибыл новый афганский лидер Б. Кармаль. Радио Кабула передало обращение нового правителя к афганскому народу, в котором был провозглашён «второй этап революции».

Но Янукович не знал этих подробностей. Он знал только, что тогда, в Афганистане, советские десантники малыми силами свергли одного президента и поставили другого.

– Ведь неплохо все получилось? А? – прервал его мысли Путин. – Вы берите, берите конфеты.

И Виктор Федорович понял, что ему хочет предложить Путин. Отказаться? Принять? После того как Путин вытащил его из той задницы, в которую попал Виктор Викторович, отказаться сложно. Очень сложно.

– У нас с вами есть шанс урегулировать ситуацию, ограничившись малой кровью. Пока не прошли новые украинские выборы, и вы юридически остаетесь легитимным президентом вашей страны.

– Я понимаю, Владимир Иванович, – но, боюсь, э... что это невозможно.

Янукович рассердился на себя. Зачем он сделал эту ненужную и глупую паузу в ответе? Он представил, как это должно произойти. Русские подразделения спецназа штурмуют Раду. Скорее всего, прикидываясь верными Януковичу подразделениями украинской армии. Арестовывают правительство Яценюка, снова ставят к власти его, Януковича. Потом... потом все зависит от Путина. И он, Виктор Викторович Янукович, будет пешкой в руках этого человека. А потом, скорее всего, его заменят кем-то другим. Путин умеет выращивать из никого личностей. Взять хотя бы Медведева. Да и сам Путин выскочил как черт из табакерки. Виктор Викторович вытер о брюки вспотевшие руки и шумно поскреб подбородок. Черт! Да он так и так пешка в руках Путина! Если бы тот не помог ему бежать из Украины, лежал бы Янукович давно в земле сырой.

– Нам нужно только ваше согласие. – Улыбка у Путина была фальшивой. Он умеет улыбаться открыто и честно, когда захочет. А сейчас... сейчас просто не считал это нужным. – Все остальное мы возьмем на себя. Вы – легитимный президент Украины. Если вы снова встанете у руля, международное сообщество это проглотит.

Путин открыто поморщился, произнося фразу «международное сообщество», не скрывая своих чувств к этому самому сообществу.

«Рискнуть, согласиться на предложение Путина или? Черт! Не факт, что все получится, и тогда Виктор Федорович почти стопроцентно труп. А этого очень не хотелось бы. Потому что... Потому что даже здесь, в России, оставаясь живым, на свободе, можно жить вполне ничего себе. Все-то не отберут, кое-что останется. И что? И как отказать?» – лихорадочно размышлял Янукович, рассматривая что-то в чашке с чаем.

– Это приведет к большим жертвам украинского народа, – наконец сказал он. И ему самому стало противно оттого, как звучал его голос.

Путин отставил недопитую чашку кофе и стремительно встал.

Виктор Викторович теперь смотрел на него снизу вверх. Он хотел тоже встать, но почувствовал дикую слабость в ногах.

– Надеюсь, вы адекватно воспримете мой отказ? – Янукович отвел взгляд от глаз Путина и смотрел теперь на его ноги.

– Виктор Викторович, – наконец произнес Путин. – У меня есть желание двинуть вас по вашей тупой башке и послать... В Киев. Но я этого не сделаю. Поезжайте в Ростов и сидите там, никуда не высовывайтесь. Я сожалею о том, что помог вам.

– Вы... – Янукович наконец встал.

Русский лидер отвернулся и вышел в другую дверь, не пожав ему руку.

Свергнутый украинский президент зло пнул кресло, в котором только что сидел, и едва не выкрикнул Путину вдогонку: «Ссука ты, ссука!» Но вовремя успел приглушить звук своего голоса, и изо рта вырвалось лишь нечленораздельное шипение.

Глава третья

Война и мир

Николай Чесноков смотрел на море и медитировал. Было хорошо. Настолько хорошо, что он в очередной раз почувствовал себя счастливым человеком. А это случалось не часто... Совсем не часто. Но сегодня у него было все для того, чтобы так себя чувствовать. Он смотрел перед собой и тихо думал: «Счастье коротко, как поцелуй Бога. Вот как сейчас. Сидишь, смотришь на море и понимаешь, что ты счастлив». Потом его взгляд упал под ноги. Там, под ногами, была другая жизнь. Жизнь, которую ведут параллельно с нашей жизнью насекомые. Даже у камня – он был в этом уверен – даже у камня есть жизнь. Люди этого не замечают просто потому, что наши, «человеческие» годы для камней – как секунды. Там, у его ног, разыгралась драма. Николаю было шестьдесят два, но за свои шестьдесят два он впервые видел такое. Два муравейника, две муравьиных армии сошлись войной друг на друга. Дрались на нейтральной территории, беспощадно убивая друг друга. Сходились стенка на стенку, и со злостью, как казалось Николаю, кромсали друг друга, кажется, даже отрывали друг другу головы. И умирали. За что? За свой муравейник? Николай традиционно уважал муравьев и пчел. Трудяги, коллективные насекомые... И все же что-то в них было не так. Смущало его, что все они – только винтики в большом механизме. Хотя... быть может, так и должно быть? Быть может, именно в этом предназначение человека. Неспроста ведь те, кто сильно отличается от остальных, погибают. Взять хотя бы поэтов. Кто из них дожил до преклонных лет? Вы скажете, что есть такие? Ерунда. Просто это не настоящие поэты. Хотя... при чем тут поэты? У муравьев наверняка нет поэтов... Хотя... Но сейчас... сейчас идет настоящая муравьиная война. Интересно, они берут пленных? Мучают их в лагерях? Убивают ли детей? Или на это способны только люди? Война... И подчиняясь приказу или инстинкту, они идут убивать и умирать. Николаю их было жалко, но что он мог сделать? Как остановить эту бойню? Наконец он вспомнил о бутылке минералки, что поставил под куст, в тенечек. И осторожно, пытаясь не раздавить враждующих насекомых, провел разделительную черту между противниками и щедро полил их водой. И война... война прекратилась. Надолго ли?

За всеми этими миротворческими хлопотами Николай не заметил, как подошел его сын.

– Привет, пап, – сказал он, положив руку на плечо отца.

– Привет. – Николай похлопал по руке сына и повернулся к нему.

В очередной раз порадовался тому, каким замечательным вырос его парень. Красавец. Весь в мать. И умница – в папку. Высокий, на голову почти выше. Глаза... даже не голубые, синие. Плечи широкие. Фигура, пожалуй, еще не сформировалась, но все будет со временем. Славка был единственным его сыном. Долгожданным и поздним ребенком. Была дочь от первого брака, но... Он сто лет ее не видел. Ей не было до отца никакого дела. А ему... Как бы точнее выразиться... он не навязывался и наблюдал за жизнью дочери со стороны. И так было всегда.

Славка протянул отцу мороженое и сел рядом.

– А она офигенная, – сказал он.

И Чесноков сразу понял, о ком говорит сын.

– Я знаю. – Голос прозвучал с хрипотцой. Николай Николаевич прокашлялся и тихо и грустно улыбнулся.

– Не бойсь, пап, мамке не скажу.

Чесноков хотел посмотреть сыну в глаза, но тот смотрел куда-то в сторону, потом подобрал камушек и бросил в сторону моря. Камень не долетел.

– Знаешь, если бы я был постарше, – продолжил он после паузы, – я бы сам за ней приударил!

Сказав это, Славка повернулся к отцу и широко улыбнулся.

Теперь отец отвел взгляд и посмотрел на муравьев. Кажется, перемирие продолжалось. Хотя было заметно, что мир этот ненадолго. Говоря военным языком, армии совершали перегруппировку войск, сосредотачивая силы на главных направлениях.

– Если бы я был помоложе, лет на десять – пятнадцать и был бы не женат, я бы в лепешку разбил, чтобы быть с ней, – сказал Чесноков.

Сын опять смотрел на море.

– А вот парень ее мне не понравился, – вздохнул Славка.

– Мне тоже.

– Нахрена он ей сдался?

– Слав, ей тридцать два года.

– Да я понимаю.

– Ей пора заводить семью, ребенка.

– Ну, пап... Не от этого Димы!

– А от кого?

– Да хоть от тебя. У вас были бы замечательные дети.

Славка встал и как-то по-отечески потрепал отца по голове. «Смешно!» – подумал Чесноков.

– А ты лысеешь, пап. Волосы стали какие-то жиденькие.

Муравьи опять полезли в драку.

– Дураки, – зло прошептал Николай.

– Кто?

– Да вот, сын, букашки затеяли драку. Похоже на то, что все всерьез. И, главное, никто ведь из них наверняка не знает зачем? Почему солдаты их муравейника должны убивать других. Ты смотри, они же и по цвету одинаковые. Не отличить друг от друга. Я вот минералкой их пытался разлить...

– Пап, это их проблемы. Пусть сами решают. И не надо играть во всемогущего бога.

– Это точно.

Они молча сидели и смотрели, как муравьи уничтожают друг друга. Потом Славка наступил ногой куда-то в середину и, сгребая песок, раскидал его в разные стороны вместе с муравьями.

– Противно, – сказал он и плюнул в сторону одной из армий.

Они больше не смотрели на землю. Они смотрели туда, где небо растворяется в море. Красота! Николай лет сорок уже не был на море. А сын?

– Славка, а ведь ты никогда не был на море!

– Был, пап. Только ты не помнишь. И я не помню уже. Так... штрихами. Мы с мамой ездили, а ты тогда какую-то газетенку поднимал и не поднял.

– Да... – Опять молчали долго, думая каждый о своем.

– Какой из меня отец... Я женат, мне за шестьдесят, и я не то что не богат, а... «стукну по карману – не звенит, стукну по другому – не слышать». Ребенок – это ответственность. И вообще...

– Извини, пап. – Сын снова сел рядом с отцом и положил руку ему на плечи. – Но, правда, у вас были бы хорошие дети. Вы оба умные и красивые, и настоящие. А если родит от этого... Сразу видно, что он ее не любит. И вообще... Он же не настоящий. В нем же нет любви ни к кому. Хотя... Хотя ты, наверное, прав. Я просто зеленка и многого не понимаю. А она взрослая женщина и ей нужен мужчина. Человек, который будет в ее постели, и которому нужен будет ее борщ и чистые носки.

Славка ткнулся лбом в плечо отца.

– Вот видишь, сын, ты же умный. – Улыбнулся Николай и похлопал его по спине. – А быть может, она его любит. Любовь зла.

– Полюбишь и козла, – добавил сын.

Чесноков поднял веточку и показал сыну на муравьиную войну. Те, преодолевая навороченные Славкой препятствия, снова шли на смерть. Славка какое-то время смотрел на них хмурясь, потом встал, подал отцу руку и сказал:

– Пойдем отсюда.

Глава четвертая

Убить Путина

Президент США Бардак Обамма слушал доклад госсекретаря Керми.

– Вот такая ситуация сейчас сложилась на Украине, – закончил тот.

– А вы ожидали, что Путин поведет себя так? – задал вопрос Обамма.

– Мы надеялись на более комфортные для нас решения русского президента, – ответил Керми... и поморщился.

– А если там начнется война с русскими? Надеюсь, мы не будем рисковать жизнью наших американских солдат и офицеров. – Обамма театрально поднял указательный палец.

– Я удивляюсь вам, господин президент, – улыбнулся Керми. – Вы все время думаете о своем народе. Улыбаясь Обамме, он мысленно назвал его черножопой обезьяной.

– О чем же мне еще думать, – тоже улыбнулся Бардак Обамма, подозревая в словах советника прямую лесть. – О народе, о народе думать надо. А не то – доллар нам цена.

– Хорошо сказал! – подумал Обамма, – хотя... кажется, я это уже где-то слышал.

– Я вас могу заверить, господин президент, что мы готовы биться с Россией до последнего солдата... До последнего украинского солдата.

И Керми тихо засмеялся.

– Хорошо сказал, – подумал Обамма, а вслух произнес:

– Все-то вы о великом американском народе думаете! – И первый черный президент США, или, как пошутил о нем Путин «черная полоса», откровенно засмеялся. – Ну а всякого рода снарядов, которые подлежат к списанию, я думаю, у нас, как обычно, хватит.

– Немного не тот случай, господин президент, – снова скривился Керми – Дело в том, что украинские вооруженные силы оснащены советским оружием. Старым советским оружием, которое давно пора бы отправить на свалку. И у нас, как вы понимаете, такого металлолома нет и не было. Но зато у европейских стран, входивших в прошлом в советский блок, этого добра достаточно. Просто не знают куда деть. Так что и здесь проблем не будет. А поляки давно на Россию дробчат. Им будет в радость это барахло слить и русским подосрать. Два в одном, как говорится!

– Может быть, пора совершить перевооружение украинской армии и продать Украине и наше оружие? – оживился Обамма, уже предполагая новые прибыли для американских корпораций.

– Когда-нибудь, – пожал плечами Керми. – Я не думаю, что они смогут расплатиться за оружие сейчас. А дарить...

– Нет-нет, – Обамма интенсивно покачал головой. – Дарить не надо. Я не Санта-Клаус.

– Ты черт, а не Санта, – подумал Керми, а вслух сказал:

– Если только продать им по дешевке списанное говно?

– А у нас оно есть?

– Ну, господин президент... если как следует поискать, то для наших украинских друзей говна не жалко. Особенно, если продать его за хорошие деньги.

– Ладно, решим после. Сначала нужно легитимировать правительство. – Обамма многозначительно поднял вверх палец и слегка смутился, когда пришла мысль о нелепой и ненужной театральности этого жеста.

– Это точно. Мы сейчас занимаемся этим вопросом, – согласился с правильным решением президента Керми

– Кто кандидаты? Надеюсь, не этот тупой баран Клико?

– Клиничко? Нет, конечно! Нужен человек, который, по крайней мере, умеет хорошо говорить. А Клиничко... ну вы же сами сказали – «баран».

– Но боксер неплохой, как бьет! – заметил Обамма и непроизвольно сделал несколько боксерских движений, отчего в плече что-то неприятно хрустнуло.

– Вот ему там, на ринге мозги и отбили. О защите совсем не думает, – посмеялся Керми. – Да если бы и думал... Умный человек, я так думаю, господин президент, боксером не станет. А если станет, быстро перестанет быть умным. Ха-ха-ха!

– Действительно «ха-ха-ха», – как-то невесело поддержал Обамма. Плечо болело. – Ладно, решите с кандидатами, доложите. Женщину тоже не надо. Не люблю женщин... – Обамма осекся, – в политике. Они все наглее некуда. Ладно. Тут все ясно. Ну, а как у нас дела в Сирии?

– В Сирии пока без изменений, господин президент.

– То есть все ни к черту?

– Ну как сказать... – Керми улыбнулся кончиками губ. – У них все плохо. Но не так плохо, как нам этого хотелось бы. Значит, нас все хорошо, но не так хорошо, как нам этого хочется. Ваш друг Путин...

– Мой друг и наш партнер. Вот достал он с этими фразами. Партнер, вашу мать. Ладно, что не добавляет «половой», когда говорит о партнерстве. Мы, значит, друг другу пытаемся засунуть по самые яйца, а он, сука, улыбается и называет меня другом и партнером. И этот долбаный партнер взял плохую привычку лезть туда, куда его не звали. Россия снова превращается в прыщ на нашей заднице. Вроде бы как ничего страшного, а больно и неудобно сидеть. (В английском языке название России созвучно со словом «rash», обозначающим язву, рану, прыщ. Кстати, «rash man» переводится как опрометчивый человек). – Слушайте, Керри, давайте как-то вставим этому Путину? (Игра слов. В английском языке фамилия русского президента созвучна фразе «put in» – «вставить»).

– Есть у меня план, как обойти Путина в этом регионе... – пожал плечами Керми.

– Да у вас всегда полно разных планов. Только Пунин на нас плевал и плюет. И все ваши планы ему как... Слушайте... А вы не знаете случайно, он играет в шахматы?

Керми утвердительно кивнул, хотя не знал наверняка. Человек, который так уверенно играет в политике...

Президент США Бардак Обамма сердито плюхнулся в кресло и неудачно ударился локтем о краешек стола. Было ужасно больно. Он ругнулся, как умеют ругаться только черные, и махнул рукой, выпроваживая Керми.

Тот вышел, все еще размышляя о том, играет Путин в шахматы или нет. А если играет, то на каком уровне? И кто его партнер? И поддается ему партнер по шахматам или нет?

Оставшись один, президент Соединенных Штатов Америки, лауреат Нобелевской премии Бардак Обамма, поглаживая то растянутое в результате неуклюжей имитации боксерского удара плечо, то ушибленный о край стола локоть, со злостью прошипел: «Чего ему надо, этому Путину, что он везде лезет, что за сука этот Путин!» И тут же пригласил к себе другого человека. Это был Джозеф Ллойд. При президенте Обаме он выполнял особые поручения. Даже такие, особенно такие, о которых не должен был знать никто. Даже Керми.

В ожидании Ллойда Бардак Обамма вошел в интернет. Свои же, американцы, обсирали его почем зря. Какой-то остряк сравнивал его, американского президента, с Путиным. Сравнение выходило не в пользу Обаммы. Путин на коне – Обамма на велике. Путин тягает штангу – Обама маленькие гантельки. Путин женился на красавице – Обамма на монстре. Путин в юности серьезно занимался дзюдо – Обамма курил марихуану. Вот Путин и его любовница – спортсменка-гимнастка-чемпионка, и вот Обамма, целующийся с гомиками... Сволочи, все подлецы и сволочи! Ну, Путин, ну, сука!

Эту хрень Обамма обнаружил еще вчера. Но не успел посмотреть. А сейчас ему просто нужно было набрать «градус злости», как говорил он. Ллойд пришел как раз в тот момент, когда «градус злости» зашкаливал, и Обамма, казалось, был готов разбить компьютер.

– Господин президент, – Ллойд смотрел на Обамму с легким прищуром. – Что-то случилось?

– Путин сука. – Как-то устало и обреченно произнес Бардак Обамма, думая о том, сломал бы на его месте свой компьютер Владимир Путин или нет.

– Согласен. – Пожал плечами Ллойд.

– Ты обещал подумать о способах устранения русского президента.

– Я подумал... Давайте собьем его самолет, когда он будет пролетать над Польшей или над Украиной. Лучше – над Украиной. Там сейчас полный бардак и вполне можно будет все свалить на террористов-повстанцев. Или собьем «по ошибке», или пусть будет маньяк военный. Потом осудим его, и он повесится в камере.

– Получится?

– Должно получиться. В крайнем случае, мы всегда здесь ни при чем. Есть еще варианты, но там все сложнее.

– Хорошо. Вы, Джозеф, займитесь подготовкой. Только не ограничивайтесь, я вас прошу, одним вариантом. Что-то говорит мне о том, что Путина пуля не берет.

Ллойд дернул губами. Он так улыбался.

– Вы так же и про Каддафи говорили.

Глава пятая

Домик окнами в сад

Дом, где жили Настины родители, стоял примерно в километре от моря. Был он не новым, наверное, родом из пятидесятых-шестидесятых. Таких домов в свое время немало понастроили под Одессой да и вообще на юге России и Украины. И небольшим. Дополнительный объем ему придавали две терраски, одна довольно большая, другая значительно меньше. И какие-то пристройчики. В общем, дом нельзя было назвать шедевром архитектурной мысли. Но шедевром практичности – да. В одном из пристроев и поселились Николай с сыном. Там был довольно большой и не слишком старый диван, журнальный столик, два кресла и черно-белый телевизор. Славка очень обрадовался черно-белому телевизору, потому что видел такое впервые.

Сегодня, по случаю приезда Настиного гостя Николая и его сына, стол накрыли прямо в саду. Это был большой, самодельный, из толстых строганых досок тяжелый стол. Когда гости вернулись с прогулки, он был уже накрыт. На цветастой макама клеенке красовалось блюдо с нарезанными довольно крупно помидорами, украшенными зеленью. Стояла огромная кастрюля, прикрытая полотенцем, два кувшина с компотом, один – желтоватый, другой – насыщенно красный, и какая-то огромная птичья тушка, не то курица-акселерат, не то утка. Или индюк? Ну и как положено, здоровенная бутылка со спиртным. Рядом со столом хлопотал Александр Михайлович, Настин отец, колдовал над шашлыком. Николай отметил, что он похож на какого-то западного артиста. Наверное, на Делона. Только был гораздо стройнее и даже, казалось, интеллигентнее. Его жена Людмила, женщина полная, но удивительно улыбающаяся. В нарядном фартуке. Тоже суетилась вокруг стола, устанавливая блюдо с яблоками. Одно из них упало и скатилось на землю. Сидевший рядом Дима – Настин парень, или жених, или гражданский муж... Николай не признавал гражданских браков, справедливо считая, что если двое любят друг друга и верят друг другу, то жить в незарегистрированном браке – глупо. Дима проводил яблоко взглядом, продолжая говорить по телефону.

«Мог бы и поднять», – подумал Николай. Он всегда советовал влюбленным, а значит неадекватным в своих оценках людям, смотреть в первую очередь на отношение их избранников к другим людям. Единственно верный тест на вшивость. И этот тест Дима не прошел. В очередной раз. Николай сам поднял яблоко, вытер его о джинсы и откусил. Славка крутился вокруг Насти, что-то ей рассказывая. Им было весело. «Когда-то и мы были рысаками!» – вспомнил себя молодого и беззаботного Николай. Почему-то в шестьдесят уже не хочется смеяться над милыми глупостями и легкими пошлостями. Они уже не кажутся ни милыми, ни легкими.

Николай почти задремал и не заметил, что все уже оказались за столом, из накрытой полотенцем кастрюли достали горячий, сваренный кругляшами картофель, разорвали на куски бройлера, а Димка налил в рюмки прозрачный самогон.

– Ну, за встречу! – сказал он, и все, исключая Настю, выпили, сосредоточившись на какое-то время на еде. Ух... На этой еде грех было не сосредоточиться.

Во время застолья, по крайней мере на его начальной стадии, разговор не может быть серьезным. Так, общие фразы. Николай старался не смотреть на Настю, боялся, что в его глазах кто-то, кому это совсем не нужно знать, увидит странное сияние, свойственное влюбленным любого возраста.

Были общие фразы.

– Ну, как вам Одесса?

– У вас просто здорово, а Одессу мы еще не видели.

– Вы сходите обязательно!

– Сходим, конечно...

– Чем занимаетесь?

– Да я уже пенсионер, бывший журналист. Еще пописываю по привычке. А Славка – компьютерный гений.

– Дело нужное. А я вот...

В общем, состоялось общее знакомство, после которого каждый имел то минимальное представление о человеке, которое необходимо для нормальной беседы.

На радость Николая с выпивкой не особо настаивали. Лет с тридцати он выработал единственно верный способ оставаться трезвым в пьющем коллективе. (А тогда он работал в сильно пьющем коллективе). Он решил, что не будет пить больше трех рюмок. При самом неудачном раскладе, когда рюмки были крупными, эта норма составляла 200 граммов. Если закусывать, то сильно не захмелеешь. Решил так, потому что все другие способы, вроде самоконтроля (уже пьяный или можно еще рюмочку?), не давали никакого результата. На работе он всем объявил о своем решении, и вскоре народ привык. Самых настойчивых и непонятливых собутыльников он просто посылал на х... И даже пословицу придумал. Помните, в одном из фильмов Раневская говорит: «Ты никогда не станешь настоящим человеком, если не научишься как следует работать локтями». Ну, или что-то похожее она говорила. Суть ясна. Николай придумал такой ее вариант: «Ты никогда не станешь настоящим человеком, если не научишься посылать друзей на х...». С тех пор жить стало и легче, и веселее. Вот и сегодня он ограничился тремя выпитыми рюмками самогона, кстати, очень чистого и совсем не противного. И ему понравилось, что и отец Насти, и Дмитрий особо не настаивали на этом. Предложили – он отказался.

– Ну и мне хватит, – сказал Александр Михайлович.

А Димка молча выпил еще рюмку и посмеялся:

– Да, с вами в полет не уйдешь!

Обсудили проблемы, точнее, нюансы и технологии самогонварения. Настин папа, оказывается, построил целую ректификационную колонну, со всякого рода фильтрами и расширителями. И перегонял дважды, разбавляя потом продукт дистиллированной водой. Вот и получался он мягким. Из-за отсутствия солей. Помнится, как-то в газете, во время дикого кризиса, когда зарплату не выдавали, а потому и работать совсем не хотелось, Николай купил пару пузырьков какой-то спиртосодержащей гадости и вылил в минералку. На остаток наличных купил батон и паштет. А потом они с молодым и странноватым дизайнером ели бутерброды и запивали их «минералкой». Было противно до ужаса. Но весело. Весело еще и оттого, что вечно злой начальник ходил мимо них и ничего не замечал. Потом девочка из рекламного угостила бутербродом и минералкой и... В общем, противная хмельная жидкость и бутерброды стали в редакции традицией. Впрочем, ненадолго. Потому что газета через месяц-полтора накрылась совсем. Николай вспомнил этот факт своей биографии, слушая объяснения Настиного отца о том, как нужно правильно настаивать самогон на ягодах.

– Здорово у вас, просто рай на земле! – и в самом деле почувствовав какое-то необычайное умиротворение, от которого захлебнулось теплом сердце, почти прошептал Николай.

– Да, ничего, – ответил за всех Димка. – Только порядка нет. Яблони давно надо подрезать как следует, дорожки забетонировать... Да и вообще. Не сад, а джунгли.

– Порядок в жизни и в шкафу есть признак творческого идиотизма, – в упор глядя на «типа зятя» угрюмо произнес Александр Михайлович.

– Саша! – упрекнула его супруга.

А Димка молча криво усмехнулся.

Потом вдруг, непонятно с чего, заговорили о политике.

– Ужас что творится! – вздохнула, накидывая теплый платок на плечи, заохала Настина мама. – В Киеве все как с ума посходили. Никогда не думала, что такое может случиться.

– Так бандеровцы, – пожал плечами Александр Михайлович, – шо с них взять!

– Да я в армии, когда служил, – сказал Николай, – тоже чувствовал... ну... назовем это негатив со стороны западных украинцев. У нас их двое было. А вообще с украинцами нормально жили. С одним я даже очень крепко подружился. Валера Тараненко. Пробовал найти потом – не вышло. Был еще парень из Латвии. По фамилии Пушкаровас. Рассказал, что настоящая его фамилия Пушкарев, а националисты латвийские в паспорте «Пушкаровас» написали. При получении. Так что и в Союзе это дерьмо было.

– А я когда служил, с кавказцами цапался очень, – закивал Александр Михайлович. – Можно даже сказать воевал. Наш призыв хиленький был. Да и салаги все. Восемнадцать, девятнадцать. А через полгода прислали кавказцев, взрослых уже мужиков. Было два близнеца. Шкафы дубовые. Тогда закон был, не знаю как сейчас, по которому близнецы должны были служить вместе. Ну они и стали порядки наводить.

– У нас тоже одного парня прислали из Осетии. Когда было знакомство, сидел новичок перед ротой, рассказывал о себе. Говорит: «Я из Осетии». Ему: «Осетин?», он: «Осетин». Его спрашивают: «Чистокровный?» Тот замялся. «Нет», – говорит. Мы: «А кто осетин – папа?» «Нет». «Мама?» Он опять: «Нет». Ему: «Так какой же ты осетин?!» Он: «Я в душе осетин!» Потом в личном разговоре признался, что там у них просто нельзя, опасно быть русским.

– Ну да, наверное. – Настин папа закивал активнее, – вот и у нас в роте опасно стало – быть русским. И русские, и украинцы сдулись, так вышло, что кавказцы ходили сами по себе и их никто не трогал, а наши салаги должны были за двоих пахать. У вас, чай, тоже дедовщина была?

– Была, – ответил Николай. – Куда без нее?

– А потом, когда те стали черпаками и на нас, дедов, стали наезжать. Я разок захожу в роту. А там Матвиенко, из дедов, дежурный по роте стоит у стенки, а один из братьев его прессует. Я-то понял, что мне с этим бугаем не справиться. Я тогда у Матвея штык-нож вынул, этого бугая в зад пнул и приказал убираться. Ну не смог я его ножом ударить. Не захотел. Испугался. Вот он у меня нож и выбил. А потом вот так, одной левой, – Александр Михайлович уже стоял и сжимал кулак левой руки, который слегка подрагивал от напряжения, – поднял меня этот гад и улыбнулся, как параша. Мне что делать? Вишу, как куль, ноги болтаются. Ну я размахнулся правой и вкатил ему хук снизу. Нос разбил. Тот меня отпустил и тоже мне по носу. Потом пошли оба умываться. После этого лично у меня с кавказцами особых разборок не было. Но наших продолжали гнобить. Но остальные пацаны на это сквозь пальцы смотрели. А один в поле не воин.

– Да, блин, не самая хорошая штука – армия, – вздохнул я.

– Не самая веселая.

– Это точно.

Михалыч предложил выпить еще по рюмочке, и Николай не смог отказаться.

Между тем, за столом они остались вдвоем. Хозяйка и Настя убрали со стола, сын Славка дремал в раскладном кресле под яблоней, забросив руки за голову. Дима, прижав к уху сотовый, ушел, кажется, в дом. Как-то незаметно разговор сошел на нет, Чесноков к тому времени тоже перебрался в удобное пластмассовое кресло.

– Вот так и живем, – закончил какую-то свою мысль, которую Николай за своими мыслями не услышал, не разобрал, Александр Михайлович. – Лишь бы не было войны.

Подошла Настя. В руках легкая курточка. Накинула на плечи отца. Поправила, чтобы лучше сидела на плечах. Тот нежно похлопал ее по руке.

– Спасибо, дочка. – И поцеловал лежащую на его плече руку.

И Чесноков вспомнил, как однажды, вот так же, отмечали что-то, вероятно, День Победы на даче. Сидели за столом. Горел костер. Сходили с ума от наполненного ожиданием любви майского воздуха птахи. И так же было хорошо. И так же стало к вечеру холодать, и он сходил в дом и принес куртку отцу. И накинул на плечи. А брат сделал фото. Эта фотография до сих пор висит на стене в родительском доме. Хотя родителей вот уже четыре года нет. Сначала ушла мама, потом через два с половиной месяца отец.

– Коля, тебе не холодно? – это спрашивала его Настя.

«Коля!». И только тогда Чесноков заметил, что действительно стало холодать.

– Да мы, наверное, уже скоро, – сказал он и проводил Настю взглядом.

Дурак, что отказался. Пусть принесла бы и ему курточку. А он поймал бы ее руку и поцеловал. Защемило сердце. Вот как бывает. Встретишь вдруг, уже на исходе человека, который просто создан для тебя. Встретишь, и понимаешь, что у тебя просто нет шансов. Потому что ты уже не молод, не здоров, не богат в конце концов. И ты понимаешь, что этот ТВОЙ человек никогда не будет твоим. Понимаешь, но не можешь заставить себя не думать о нем.

Настя ушла. Чесноков посмотрел на бутылку, в которой осталось самогона на полторы рюмки. Кивком показал на нее хозяину.

– Допьем?

– Надо.

И они разлили остатки алкоголя и выпили за мир во всем мире.

– Лишь бы войны не было, – глядя на звезды, запутавшиеся в яблоневом цветку, произнес Александр Михайлович.

– Да уж.

Еще посидели, помолчали.

– Пойду хозяйке помогу. – Настин папа хлопнул Чеснокова по плечу и ушел. Тот оглянулся через плечо и не увидел Славку. Ушел спать? Теперь Николай сидел один за большим столом, на котором, кроме двух яблок и двух пустых рюмок, не было больше ничего. С неба падал тихий вечерний свет и белые лепестки отцветавших яблонь. Чесноков не заметил, как подошла Настя, принесла-таки куртяшку. Накинула ему на плечи и, как и своему отцу двадцать минут назад, положила на его плечо свою руку. Но Чесноков не решился ее поцеловать.

– Мы поедем, – сказала Настя. – Завтра утром заедем с Димкой, и я покажу вам Одессу. Куда пойдем?

– Там решим, – ответил Николай и накрыл все же своей рукой ее руку, которую Настя тут же убрала. Но потом, как бы извиняясь, коснулась или, скорее, даже слегка погладила руку Чеснокова.

– Знаешь, Коля (она опять назвала его Коля!), я давно хотела сказать... У нас с Димкой будет ребенок. Уже третий месяц.

– Я рад за тебя... за вас...

Николай и вправду обрадовался. Хотя сердце кольнуло. Так же, как кольнуло сердце тысячу лет назад при известии, что у него будет дочка. Но он понимал, что будет видеть ее только урывками. Да, а получилось все еще хуже.

– В крестные возьмете? – спросил он.

– Не знаю как Димка. Я-то не против. Я пойду.

И ушла, оставив звенеть сердце Николая Чеснокова.

Потом Настя и Димка уехали, а Николай пошел в свою комнату и лег спать. Уснул удивительно быстро. Ему снился большой дом с террасой, выходящей на море, и падающий с неба яблоневый цвет, который вскоре превратился в густой, холодный снег. Ему стало вдруг холодно, и вот уже идет он по незнакомому городу и смотрит в небо, с которого, словно нашествие невиданных страшных насекомых, летят лавой миллионы снежинок. А потом в небе появились огромные черные вертолеты. И снежную мглу пронизали черные линии. «Они же

стреляют по нам!» – понял Николай и увидел, как вокруг падают замертво люди. И хотя раньше их с ним не было, подумал о том, что и Славка, и Настя куда-то пропали. А потом... потом с черно-белого неба полетели бомбы, и мир взорвался.

Николай вскрикнул и проснулся. Подумал, что если сейчас лечь спать, страшный сон вернется. Он посмотрел на часы, часы показывали половину четвертого. Вдруг осознал, что этот сон ему уже однажды снился. Это было в то утро, когда Америка начала бомбардировки Югославии. Тогда Николай Чесноков стал антиамериканцем. Написал жесткую статью. Но в газете ее не опубликовали. Тогда он выложил все это в блоге. А потом на улице встретил двух незнакомых молодых девчонок-студенток, которые щебетали о чем-то и пили кока-колу. Он придержал одну из них за локоть и произнес: «Кока-кола – цвета венозной крови. Покупая кока-колу, вы оплачиваете бомбардировки Югославии!» Глаза у девочек были испуганные. Наверное, приняли его за наркомана или психа. Но Николай и в самом деле сильно переживал эту войну и предательство Россией Югославского народа. И все эти годы носил в себе этот грех, как свой собственный. Позже, после смерти Каддафи, вспышка антиамериканизма в нем вспыхнула с новой силой. И вот теперь сон повторился. Говорят, чтобы сон не сбылся, его нужно кому-то рассказать. Можно не человеку, а воде. Вроде как вода все смоеет. Чесноков надел джинсы, накинул Славкину куртку и вышел в сад. Почему-то очень вдруг захотелось закурить, хотя не курил он, наверное, с армии. Было тепло и тихо. «Нужно кому-то рассказать сон, чтобы не сбылся», – подумал Чесноков, вздохнул полной грудью густой, ароматный воздух и пошел спать. Утром он никому ничего не сказал.

Глава шестая

Страсти по Путину

– Ну, и чего тебе Путин хорошего сделал? Пенсия у тебя копеечная. Половину за квартиру отдаешь, Я, блин, на двух работах пашу, чтобы семью прокормить! А эти козлы с жиру бесятся! Дома, яхты, клубы футбольные покупают. Вор на воре сидит!

Стас терпеть не мог, когда бабушка хвалила Путина. Вот новый подвиг совершил, понимаешь, Крым к России присоединил. Теперь, вместо того, чтобы у себя в стране порядок навести, дать нормальную работу, пособия детские поднять, пенсии, будем Крым поднимать. Мало нам олимпийских игр.

– Стасик, ты молодой еще, не помнишь, не знаешь, как мы раньше жили. При Хрущеве маргарин с макаронами ели и то не досыта.

– Мать, ты бы еще Сталина вспомнила.

– А при Ельцине еще хуже было. Цены каждый день росли. Зарплаты и пенсии месяцами не давали. Кругом бандиты хозяйничали. На улицу было страшно выйти.

– А сейчас типа не бандиты. Ты на мэра нашего посмотри. Рожа, как у поросенка, и глазки хитрые и злые. Бандитские.

– Не все сразу, сынок, все у него получится. И мэра нашего снимут или посадят.

– Да хрен его посадят. А посадят – другой вор придет.

– Ну, так, а кто ж его выбрал? Этого мэра?

– Вы выбрали, старухи, да другие маразматика.

– Знаешь, Стас, я хоть и старуха уже, но вижу, как Путин старается для выборов. Хочет, чтобы все по-честному было. Вот камеры везде поставили. Твои бы навалынные, или кто там у тебя, наплевали бы камеры ставить. А ты... А вы, молодые, сами виноваты. На выборы вас не загонишь. И толку с вас? Только горлопанить да Путина ругать. А сами ничего не делаете.

– Я на выборы не пойду. Плевал я на твои выборы. Все равно все будет, как скажет эта сссука Путин.

Глава седьмая

Второе мая. Одесса

К полудню они уже нагулялись по Одессе и сделали миллион фотографий. У Николая уже просто отваливались ноги. «Старость – не радость», – подумалось ему, и он затащил всю компанию в летнее кафе. Ему не очень нравилось, когда столики стоят слишком близко к дороге, но хотелось дышать живым воздухом, а не прокуренным и кондиционированным воздухом кафешки. Еда была вкусной. Хотя и Николай, и Славка были вообще непритязательными к пище. Настя же почти ничего не ела, ограничившись мороженым и чашечкой кофе. Чесноков тихо и ласково поглядывал на нее, так, чтобы не видел сын. Но тот все равно время от времени ловил взгляд отца и хитро улыбался. Отчего Чеснокову-старшему было немного стыдно. Так стыдно, что он показал Славке язык, и тот ответил тем же. Настя, кажется, ничего не замечала. Наверное, это им только казалось, что она ничего не замечает. На самом деле женщины все замечают и чувствуют гораздо тоньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.